

Люби меня, как я тебя

Автор:

Светлана Лубенец

Люби меня, как я тебя

Светлана Лубенец

Только для девчонок

Вот это да! Таня Осокина, гордая и уверенная в себе девчонка, вдруг поняла, что больше всего на свете ее интересует не какой-нибудь модный артист, и даже не самый красивый мальчик школы Антуан Ключев, а некто Венька Козлов – всеобщее посмешище! И это когда в классе узнали, что Антуан влюблен в нее... А Тане нравился Венька – не такой, как все, странный, а потому загадочный. И она даже не предполагала, что презираемый всеми Венька вовсе не собирается отвечать ей взаимностью, так как... тайно вздыхает по Аллочке – девочке с кукольным личиком и белыми кудряшками. А Таню не то что не замечает – ненавидит. И продолжалось бы это до бесконечности, если бы Венька по своей рассеянности не перепутал рюкзаки и не подложил Осокиной прекрасную орхидею в коробочке. Цветок предназначался не Тане, а Аллочке...

Светлана Лубенец

Люби меня, как я тебя

Таня

Таня собиралась в школу, подгоняемая любопытством. Кира Геннадьевна велела всему 7-му «А» прийти к нулевому уроку, потому что она собственноручно

собиралась рассадить за партами свой класс так, как лучше для дисциплины. А давно известно, что для дисциплины лучше, когда мальчики сидят с девочками. Тане было очень интересно, с кем ее посадят. Только бы не с Винтом! Хотя... если не с одним человеком, то все равно с кем: хоть с Винтом, хоть не с Винтом...

Кире Геннадьевне пришлось пойти на такую крайнюю меру с пересаживанием учеников, потому что 7-й «А» совершенно распустился. Абсолютно все учителя жаловались на невероятный уровень шума у них на уроках. Действительно, семиклассники смеялись, переговаривались, перебрасывались записками и уже второй месяц после летних каникул никак не могли создать в классе рабочую обстановку. Последней каплей стала литровая бутылка из-под пепси-колы, в которой обычно на окне отстаивалась вода для полива цветов. Димка Васильев умудрился установить эту бутылку на довольно узкой верхней поверхности дверного косяка. Класс буквально не дышал до тех пор, пока дверь не открылась и литр хорошо отстоянной воды не вылился на ненавистную физичку по кличке Люка. Вообще-то ее звали Людмилой Павловной. Но Людмила Павловна была злющей и несправедливой женщиной, и кличка «Люка» очень удачно совмещала сразу и «Людмилу» и «злюку» в одном флаконе. Вылившаяся на Люку вода испортила ее желтенькую блузочку, которая прямо на глазах у потрясенных семиклассников сжалась в мокрых местах в гармошку.

– Нечего «паленые» вещи покупать, – глубокомысленно изрек Петя Комиссаров, за что был вызван к директору совместно с родителями.

Туда же был приглашен и виновник торжества 7-го «А» над Люкой – Димка Васильев в паре с сопровождающим лицом – собственным его отцом, которого сын смертельно боялся по причине невероятной драчливости Васильева-старшего. Петю подвел длинный язык – это было ясно. А вот кто настучал на Димаса, одноклассники понять не могли. Люку ненавидели все и даже завидовали Васильеву, что именно он придумал ей такую прикольную казнь. Когда же на следующий день после обсуждения в кабинете директора данного чрезвычайного происшествия Димка пришел в класс, завидовать ему все тут же перестали: уши его были красными и распухшими, а за парту он садился с невероятной осторожностью.

Когда Таня пришла в свой класс, почти все уже были на местах и живо обсуждали все ту же проблему: кто выдал Люке Димку.

– Это наверняка ты, Винтыра, – наседали Петя Комиссаров. – Больше никому!

– А какая мне от этого выгода? – изо всех сил возмущался Павел Винтуев, Винт по прозвищу, и затравленно озирался.

– Обычно ты без всякой выгоды делаешь гадости, – заметила Катя Дронова, – так сказать, для удовольствия.

– Дура! – еще громче крикнул Винт. – Да я еще никогда в жизни не испытывал такого удовольствия, когда вдруг услышал, как завизжала Люка. Зачем же мне Димаса выдавать? О! – Винт увидел вошедшую в класс Таню. – Слышь, Осокина! Скажи им, что после облитой Люки мы с тобой домой вместе шли, и никому я на Васильева не стукал. Да и когда бы я успел, если с утра Димка с папаней были уже у директора?

– Правда, ребята, – подтвердила Таня, – мы действительно с Винтом домой вместе шли. Не хочешь же ты, Катя, сказать, что он Люке из дома по телефону звонил?

– У него ума хватит! – презрительно выпалила Катя и утратила к обсуждаемому всякий интерес, тем более что в класс вошла Кира Геннадьевна.

Красный Винт один стоял посреди кабинета и пыхтел, как чайник.

– Что случилось еще? – зловеще спросила его Кира Геннадьевна.

– Да вот я... да вот они... – запинаясь, начал объяснять Винт, – говорят, что это я, а это не я...

– О чем ты?

– О Люке, то есть о Людмиле Павловне... то есть о Васильеве... Скажите, что я никому не доносил на него! – И он с надеждой посмотрел на учительницу.

– Сядь, Винтуев, и успокойся, – предложила ему Кира Геннадьевна. – Никто на Диму не доносил. К счастью, вы еще настолько чисты и неиспорченны, что Людмила Павловна очень легко, по виноватому лицу, вычислила, кто главный

ВИНОВНИК.

- Тренировать лицо надо, Димасик! – донесся с последней парты голос Антуана.

- Ну... у тебя-то как раз с этим все в порядке, – строго сказала, глядя теперь на него, классная руководительница. – Учителя жалуются, что ты безобразно ведешь себя на уроках и при этом умудряешься выглядеть невинным ягненком!

- Это им кажется, – скривился Антуан. – Я всегда одинаковый...

Таня посмотрела на него и подумала, что она, пожалуй, согласилась бы сидеть даже и на последней парте.

- Итак, все встали и вышли к доске! – скомандовала Кира Геннадьевна.

7-й «А», гремя отодвигаемыми стульями и переговариваясь, лениво выполз из-за своих парт и скучился у доски.

Кира Геннадьевна достала из сумки листок бумаги и сказала:

- Сейчас я буду читать по две фамилии тех, кого решила посадить на ряду у двери, а вы – без лишнего шума занимайте новые места. Первая парта: Любимова, Никоненко.

Аллочка Любимова вздрогнула и недовольно посмотрела на Славку Никоненко, который с независимым видом сразу направился к своему месту.

- Вторая парта: Прижняк, Рябков...

По мере заполнения одноклассниками ряда у двери Танино сердце билось все чаще и чаще.

- Последняя парта, – провозгласила учительница, а семиклассники замерли, затаив дыхание, – Дронова, Клюшев.

Вся женская половина класса завистливо выдохнула. Таня почувствовала, что готова расплакаться, но меньше всего на свете она хотела, чтобы кто-нибудь это заметил. Ей пришлось сделать усилие, чтобы слезы отхлынули обратно. Когда влажная пелена перед глазами рассеялась, Таня увидела, что Катя Дронова уже сидит на своем новом месте с таким торжествующим видом, будто сейчас рядом с ней усядется сам Леонардо Ди Каприо, который по этому случаю срочно прилетит прямо из Голливуда. А тот, кто для девочек 7-го «А» был не хуже Леонардо, а именно Антуан Ключев, сел с Катей рядом с бесстрастно равнодушным лицом. Продолжение процедуры рассадки Таню уже интересовало мало, и она, как и Ключев, совершенно без выражения каких-либо эмоций села на четвертую парту в среднем ряду вместе с Димкой Васильевым.

Через несколько минут все заняли новые места, если не считать Веньки Козлова, который остался сидеть на первой парте у окна. Один, как всегда.

– Вот так вы и будете сидеть в любом кабинете! – Голос классной руководительницы по-прежнему был строгим. – На обложку журнала я приклею список, так что не вздумайте пересаживаться! И еще... – Кира Геннадьевна развернула другой лист бумаги. – Сейчас я прочитаю вам фамилии ответственных за рассадку и за дисциплину своей колонки. Этими ответственными будут: Ключев, Осокина и Комиссаров.

– И что мы должны делать? – спросил Петя, который был явно не в восторге от новой должности.

– Стучать будешь на всех! – мстительно заметил ему Винт.

– А если я не хочу? – Петя заерзал на парте.

– А если не хочешь, то за каждое безобразие в твоей колонке будешь отвечать сам! – Кира Геннадьевна раздражалась все больше и больше.

– Это же несправедливо! – возмутился Антуан.

– Неужели? – довольно зло рассмеялась классная руководительница. – А разве справедливо, что учителя, которые должны давать вам знания, вместо этого вынуждены уроки напролет бороться с вашей болтовней и недостойным поведением?

Ни Антуан, ни Петя не нашли, что на это возразить, и Кира Геннадьевна продолжала:

– Я специально назначила ответственными тех, кого больше всех уважают в классе, и надеюсь, что вы все, – она обвела глазами свой 7-й «А», – не станете их подводить.

Все последующие уроки после этого классного часа 7-й «А» сидел так тихо, что ненавистная Люка решила, будто нашла самый верный способ борьбы с этими отвратительными детьми.

– Ишь как присмирели! – злорадствовала она. – Знайте же: теперь чуть что – моментально окажетесь у директора вместе с родителями!

Таня подумала о том, что с большим удовольствием лично облила бы ее водой, и не просто отстоянной, а с каким-нибудь ядовитым удобрением.

После уроков девочки возвращались домой все вместе.

– Кать, ну расскажи, – дергала Дронову за рукав Аллочка Любимова, – как там Антуан?

– Пока... никак, – вынуждена была признаться та. – Но ведь это только начало! Кстати, на истории он попросил у меня карандаш и линейку... для таблицы.

– Ну а ты? – не отставала Аллочка.

– Карандаш дала, а линейку мне вчера Ряба сломал...

– Вы, девчонки, совсем помешались на Антуане, – рассмеялась Оля Авласович. – Как ненормальные, честное слово: Антуан то, Антуан се... Будто на нем свет клином сошелся!

– Можно подумать, тебе Клюшев не нравится! – насмешливо спросила ее Таня.

– Нисколечко! А тебе? – лукаво посмотрела на нее Оля.

Таня внутренне вздрогнула, но опять вовремя совладала с собой и ответила:

– Да так... С ума не схожу... как некоторые... – И она с легким презрением посмотрела на Аллочку.

Любимова дернула плечиком, но оправдываться не стала.

– А мне-то как «повезло», – расстроенным голосом пожаловалась Лена Прижняк. – От этого Рябы с ума сойти можно.

– Скажи «спасибо», что тебя с Козликом не посадили, – усмехнулась Таня, и все девочки дружно рассмеялись.

После пяти часов одноклассники, как всегда, собрались в лесопарке за жилыми домами. Между ветками одного из старых дубов они прятали тарзанку. Петя подсадил Антуана, и тот, забравшись вверх по корявому стволу, спустил вниз толстый канат. Тут же за привязанный к нему кусок тонкой металлической трубы ухватился Генка Рябков и первым делом закрутился винтом, потом раскачался, отпустил тарзанку и птицей спланировал на огромную кучу опавших листьев. После него качался и выделял акробатические номера Антуан, потом Петя...

Когда подошла очередь девчонок, Таня вдруг поняла, что никогда больше не сможет перед мальчишками виснуть на тарзанке. Она затруднилась бы толком объяснить, почему... Но не сможет, и все.

– Танька, ваша очередь! – крикнул ей Ряба, зная, что она всегда была самой бесстрашной из девчонок и только одна из них рисковала вслед за мальчишками прыгать осенью с тарзанки в кучу листьев, зимой – в сугроб, а летом – в сено.

– Качайтесь сами, – отказалась Таня. – Что-то не хочется...

К тарзанке подошла Катя. Чуть повисела, но раскачиваться тоже не стала. Таня рассматривала девчонок. Что-то с ними со всеми случилось. Похоже, никому не

хочется выглядеть некрасиво – с подогнутыми ногами, напряженными лицами и задравшейся одеждой. Наверно, они переросли так любимую ранее тарзанку.

– Я, пожалуй, пойду, – заявила вдруг Таня и, не оборачиваясь и не отзываясь на окрики подруг, пошла к дому. Ей хотелось подумать о своем новом состоянии. На полдороге к дому она встретила Веньку Козлова.

– Наши там? – спросил он Таню.

– Естественно. – Она снисходительно оглядела классное посмешище. – Не советую прыгать. Листьев немного. Ручки-ножки ушибешь – плакать будешь. А жалеть там некому!

Козлов если и обиделся, то вида не подал и без слов прошел мимо Тани.

Дома Таня первым делом подошла к зеркалу. Нет, пожалуй, она не изменилась. Почти не изменилась. Во всяком случае, не хуже, но и не лучше прежнего. Немного выросла, конечно, по сравнению с прошлым годом, но во всем остальном особых перемен в ней нет. Она все такая же худющая, бледная, с прямыми скользкими непослушными волосами, которые не может удержать ни одна резинка, ни одна заколка или лента. Мама без конца предлагает Тане постричься, чтобы голова выглядела аккуратней, но ей не хочется. Если снять с волос резинку, то они очень красиво рассыпаются по плечам и блестят. Они наверняка здорово смотрелись бы, если бы она повисла на тарзанке вниз головой. Вот бы догадаться об этом раньше! Хотя... с другой стороны, при этом некрасиво скривилось бы и покраснело лицо. Нет. С тарзанкой покончено. Раз и навсегда. Это развлечение теперь не для нее.

Таня вытащила из ящика письменного стола подаренную старшей сестрой «Анкету для девочек». Она выпрашивала ее у Веры недели две. В книжном магазине такая была одна: в розовой глянцевой обложке, разрисованной фантастическими цветами и птицами. Таня очень боялась, что Верка не успеет и «Анкету» продадут, но сестра вчера все же вручила ей предмет ее мечтаний. Таня раскрыла «Анкету» и подписала ее как можно красивее: «Осокина Татьяна. 7-й «А» класс». Потом пожертвовала фотографией, где была снята с мамой в прошлом году у новогодней елки. Она аккуратно отрезала маму и положила эту часть фотографии в ящик стола, а свою веселую физиономию приклеила на

первый лист в специальную рамочку. На следующем листе шли вопросы анкеты. В предвкушении удовольствия Таня, улыбаясь, замерла на пару минут, выдохнула и начала отвечать.

Однако очень скоро ей стало скучно. Вопросы были неинтересными. Например: «Моя любимая птица» или «Мой любимый вид городского транспорта». Таня никогда в жизни не задумывалась о птицах, да и транспорт ее совершенно не интересовал. Она почти никуда не ездила, потому что все, что ей было необходимо, находилось рядом с домом. Таня полистала анкету. Она вся была какая-то безлика, скучная и... игрушечная. Будто предназначалась для куклы Барби, а не для живой девочки. Зря она приставала к Вере. Куда теперь девать эту анкету? Придется, конечно, ответить про всяких там птиц, чтобы сестра не обиделась, но потом, попозже. А сейчас... Таня порылась в столе, вытащила толстую тетрадь с Ди Каприо на обложке, в которой в прошлом году записывала английские слова, вырвала эти листы и на первом чистом снова вывела красивыми буквами: «Таня Осокина. 7-й «А». Потом подумала немножко и на внутренней стороне обложки написала то, без чего ни одна девчоночья анкета никем анкетой признана не будет:

На «О» моя фамилия,

На «Т» меня зовут,

На «Л» подруга милая,

На «...» мой лучший друг.

После написания этого замечательного стихотворения Таня задумалась уже надолго. В последней строчке вместо букв она поставила точки, потому что была человеком честным. Друга у нее пока не было, хотя, конечно, ей очень хотелось, чтобы он был.

На следующих страницах тетради она с большим удовольствием записала те вопросы, которые ее интересовали гораздо больше, нежели городской транспорт: «Кто тебе нравится?», «В кого ты влюблен(а)? «С кем хочешь дружить?», «С кем хочешь сидеть за одной партой?» После вопросника она пропустила листов двадцать для ответов одноклассников и приступила к самому интересному. На самом верху следующего чистого листа написала: «Напиши мне письмо, если тебе понятен этот адрес: Ревнующая область, Страдающий район, город Любовь, улица Влюбленных, дом Тоскующих, квартира Счастливейших».

Интересно, догадается ли... один человек, что Таня ждет послание именно от него? Если не догадается, то может проявить себя на следующей странице. На самом ее верху она написала следующее: «Кто хочет со мной дружить, пусть поставит здесь свою роспись». Потом она подумала, что подписи бывают такими замысловатыми, что по ним ни за что не догадаешься, кто их оставил, и внизу страницы приписала еще пару строк: «Кто считает меня своим другом, может вписать первую букву своего имени в стихотворение на обложке». Таня представила, как... один человек вписывает эту букву, и ей сделалось жарко.

Венька

Венька шел домой. Он сначала бежал, но потом спохватился и перешел на шаг. Чего теперь спешить? Все пропало. Он опять не смог сдержаться. Кричал, что ненавидит всех, что лучше умереть, чем учиться в этой школе. Вокруг него, как всегда, собралась куча народа из разных классов, а он обзывал их самыми последними словами, которые только знал. Сегодня у Киры Геннадьевны был выходной, поэтому некому было увести его из коридора, и Венька, как говорится, оторвался по полной программе.

С чего же все началось? Венька задумался. На первом уроке, на биологии, все было еще нормально. Потом пришел черед математики. «Контрошка» оказалась легкой... А-а-а! Вот оно что! Все началось с Винта. На истории Винт пихал Веньку в спину своим учебником. Весь урок! Любой бы не выдержал, а Венька терпел. Он даже один раз предложил Винту перестать, а тот скорчил отвратительную рожу и пихнул так, что на спине, наверно, вскочил синяк. Или синяки не вскакивают? Впрочем, какая разница! Венька, конечно, в конце концов не выдержал, развернулся и стукнул Винта тетрадкой по голове. Слегка. Разве тетрадкой больно стукнешь? Так Винт сразу полез драться, будто это он, Венька, во всем виноват. От такой несправедливости разве можно не закричать? И Венька закричал, что все хотят ему зла, хотят сжить со света. А потом ему, как всегда, было уже не остановиться. Он прямо посреди урока покидал учебники в сумку и побежал к двери. Маргарита Ивановна пыталась его остановить, но куда ей... Остановить его может только Кира Геннадьевна, у которой сегодня, как назло, был выходной.

В коридоре второго этажа Венька опустился на пол, закрылся сумкой и завыл от тоски. Мгновенно собралась толпа.

– Гляди, пацаны! Козел опять цирк устраивает!

– Давай сюда! Тут опять Козлина!

– Козлик-козлик! Ме-е-е! – неслось со всех сторон.

Вынести это было невозможно, и Венька не вынес. Еще громче, чем в классе, он начал кричать все, что он о них, свистящих и мекающих, думает, а они смеялись и щипали его за спину так, что синяков там теперь, наверно, тысячи.

Веньке здорово не повезло с именем и фамилией. Ясно, что Козлова все всегда будут называть Козлом. Веньку и называли. Имей он нормальное имя, может быть, кто-нибудь хоть иногда, для разнообразия, и назвал бы его Сашкой или Вованом. Так нет, нате вам – Вениамин! И на имя-то не похоже! Прямо лекарство какое-то, вроде антигриппина... Или вот цветок еще есть такой – бальзамин. Мама его на окошке выращивает, в желтом горшке. А Веня – это еще хуже: Веня, племя, бремя, семя... Кошмар какой-то! Мама дома иногда называет его еще и Веником. Венька всегда зажмуривается, когда это слышит. Но не станешь же объяснять маме, что звук этого «Веника» для него – все равно что скрежет железа по стеклу. Она огорчится или обидится, ведь назвала сына в честь брата, погибшего в Афганистане. Надо бы Веньке гордиться таким именем, но у него это почему-то никак не получалось. Утешался Венька, только проглядывая последние страницы орфографических словарей, где печатали личные имена. Он бы, наверно, даже из дома не вышел, если бы его звали, к примеру, Варсанофием или Анемподистом. Таким образом, в свете орфографических словарей его имя оказывалось еще вполне приличным.

Венька пришел домой. Немного посидел в кухне, посмотрел, как смешно, вытянув прозрачные лапки, спит в аквариуме белая крыска Марфуша, а потом все же пошел звонить маме на работу. Так уж у них повелось: сразу после школы Венька всегда звонил ей и докладывал о своих делах.

– Мам, опять... – сказал он и виновато замолчал.

Из трубки какое-то время не раздавалось ни звука. Мама расстроилась.

– Из-за чего на этот раз? – наконец спросила она.

– Из-за Винта.

– Что еще за винт?

– Ну, Винтуев... Пашка...

– Все ясно. Можешь не продолжать. Поговорим вечером.

Венька повесил трубку и задумался. Что же это маме ясно? Иногда то, что ей кажется абсолютно ясным и правильным, к школьной Венькиной жизни абсолютно неприменимо. Например, мама заставляет его ходить в школу в пиджаке. В сентябре на общешкольном собрании директор предложила родителям приобрести сыновьям пиджаки. Дескать, школьная форма сейчас не обязательна, а пиджаки будут мальчиков дисциплинировать и настраивать на серьезный лад. Мама на следующий же день потащила Веньку в магазин, где они купили обалденный, как ему тогда в горячке показалось, пиджак: бежевый, в тонкую коричневую клетку. Перед пиджака был выполнен так, будто под ним надет еще и жилет из такой же ткани. «Как денди лондонский...» – радостно приговаривала мама, оглядывая Веньку. Он себе тоже очень нравился в пиджаке, но только до тех пор, пока не пришел в школу. В своем 7-м «А» один лишь он таким образом вырядился.

Сначала Венька не очень огорчился. Не все же мамы такие расторопные, как его. Но ни через неделю, ни через месяц никто из одноклассников в пиджак так и не переделался. Ребята по-прежнему ходили в джемперах, джинсовках, куртках от спортивных костюмов, а самые крутые – в толстовках. Венька попытался как можно быстрее запачкать пиджак, благо он был светлый. Он уже предвкушал, что дня через два наденет в школу свой старый темно-синий свитер крупной вязки, но мама притащила с работы еще один пиджак.

– Вот! Примерь! – щебетала она над Венькой. – Тетя Нина отдала. Витальке стал маловат, а тебе будет в самый раз.

Венька, стиснув зубы, влез в Виталькин пиджак. Он тоже был ничего: стального цвета в черную крапинку и даже без всяких поползновений на жилет. Только не

нужен был Веньке этот элегантный пиджак! Никто из его одноклассников в пиджаках по школе не ходил. Никто! Лишь один он, несчастный Вениамин Козлов! Он, правда, ни разу ни от кого не слышал обидных слов в адрес своей одежды, но всем своим существом чувствовал, что никак не вписывается в этих пиджаках в мужской коллектив класса. Когда у него, у Веньки, будет собственный сын, он ни за что не станет покупать ему никаких пиджаков. Он внимательно изучит, в чем будут ходить сыновьи друзья, и купит ему точь-в-точь такую же черную джинсовку, как у Пети Комиссарова: скромную, с многочисленными удобными карманами на «молниях» и кнопках.

Венька вздохнул. Вечером придется объясняться с мамой, а завтра – с Кирой Геннадьевной. Он ведь ушел с истории, а после нее еще должна была быть география. Получилось, что он прогулял целых два урока. Венька еще раз вздохнул и пошел клеить избушку. Он придумал сворачивать квадратики ватмана в трубочки и красить их акварелью под древесину. Потом он из этих трубочек, будто из бревен, соберет старинную избушку, как на фотографии в книге «Русский Север».

На следующий день ноги Веньку в школу не несли. Одноклассники уже давно привыкли к его истерикам и вспоминать ничего не будут. А вот Кира Геннадьевна! Как не хочется ее расстраивать! Он обещал ей, что такой грех с ним больше не случится, а он взял да и опять случился.

Венька любил Киру Геннадьевну. Она всегда разговаривала с ним уважительно, никогда брезгливо не поджимала губы, как, к примеру, историчка, и никогда не поминала старое, только просила не совершать новых ошибок, чтобы не выставлять себя на посмешище. А еще Кира Геннадьевна понимала, что Веньке не одолеть русский язык. Он учил все правила, мог объяснить правописание любого слова, но, когда начинал писать, почему-то делал столько ошибок в одном предложении, что самому жутко становилось. Диктанты он упорно писал на «единицы», а за устные ответы и содержание сочинений получал «четверки» и «пятерки». Таким образом в четверти образовывался «трояк». Венька это сразу оценил и был благодарен Кире Геннадьевне за такой поход к делу.

Венькины терзания оказались совершенно напрасными. Оправдываться перед учительницей не пришлось, поскольку случилось нечто более серьезное, чем обычная его истерика. Вчера вечером во дворе школы тот самый Пашка Винт подрался с Клюшевым. В результате драки у Винта оказалась сломанной рука и перебит нос, а сам он находился в больнице на операции.

Клюшев стоял посреди класса, а директор школы, Вера Матвеевна, отчитывала и совестила его так, как умела только она одна.

Клюшев стоял, выставив ногу в фирменной кроссовке вперед. Правая рука его была в кармане, картинно насборив над ним длинную махровую серо-черную толстовку, левая – вызывающе упиралась в бок. Вере Матвеевне это не понравилось.

– Ну-ка встань, как ученик! – велела она, вытащила одну его руку из кармана, вторую опустила по шву и слегка стукнула туфелькой по ноге Клюшева, чтобы не так нагло выпирала мощная кроссовка.

Венька во все глаза смотрел на Клюшева. Вот он, герой 7-го «А» класса! Мечта всех их девчонок! Фамилия тоже, конечно, не задалась, зато что стоило имя – Антуан! Естественно, при таком имени никто и не вспоминал про фамилию. Когда у него, у Веньки, будет собственный сын, он ни за что не станет называть его в честь чьего-нибудь брата, даже если тот прославится подвигом. Он назовет его Димой или Андреем или уж постарается, как родители Клюшева, придумать что-нибудь эдакое, например Арнольд, Сильвестр или, на худой конец, Майкл. Новые учителя, впервые читая имя Клюшева, всегда сначала произносили его как Антон. «Антуан!» – хором кричали одноклассники, учителя удивленно поднимали вверх брови или покачивали головами, а Клюшев при этом спокойно и независимо смотрел куда-то сквозь доску.

Антуан Клюшев был высок, спортивен, смугл лицом. Стригся почти «под ноль», оставляя три рваных пера надо лбом, что, надо признать, ему здорово шло. Антуан брал и тем, что дружил с девятиклассниками. У него был такой огромный и шикарный магнитофон, что эти самые девятиклассники приглашали его вместе с «магом» на дискотеки своей параллели, куда рядовым семикласскам ходу не было.

Венька посмотрел на Аллочку Любимову, замечательную девочку с пушистым облаком золотых волос вокруг головы. Глазами, полными обожания, Аллочка смотрела на Антуана. Если бы она хоть один разочек вот так же посмотрела на Веньку, он, наверное, умер бы от счастья. Но Аллочка смотрела на Антуана, который сломал руку Винту.

Венька не слишком жалел Винта. Тот был противным парнем. Винтом его звали не только из-за фамилии. Сделав какую-нибудь гадость, он как-то всегда выворачивался и ловко уходил от наказания. Венька даже подумал, что и сейчас он вывернулся: руку сломал, чтобы Антуану досталось. Наверняка драку затеял Винт.

Вера Матвеевна требовала от Антуана объяснений, но тот, уставившись в пол, молчал, только на щеках его расцвели красные пятна.

- Хорошо! - жестко произнесла директор. - Поговорим после уроков. Как раз в школу придет инспектор по делам несовершеннолетних. При нем не отмолчишься!

- Не надо инспектора, - поднялся с места Петя Комиссаров. - Антуан не виноват. Это все Винт...

- Кто-кто? - не поняла директор.

- Ну... Винтуев... Он все время лезет...

- И зачем же он полез на этот раз?

- Мы их команду на «физре» в баскетбол разбили.

- И что?

- Ну вот... Винт... то есть Винтуев... назначил Антуану «стрелку» во дворе, потому что он у нас лучший игрок.

- Кто? Винтуев?

- Нет! - обиделся за Клюшева Петя. - Куда Винту! Лучше всех Антуан играет.

- Я правильно поняла, Антуан, что Винтуев первым предложил драться?

Тот кивнул и отвернулся к стене.

– И что? – продолжала директриса. – Никак нельзя было отказаться от этой самой «стрелки»?

Венька удивился вопросу Веры Матвеевны. Как же можно отказаться от «стрелки»? Если бы он отказался, то это бы означало, что он трусил. Антуан не трус! Но он же не виноват, что у Винта кости такими хрупкими оказались!

– Ну вот что! – подвела черту под разговором Вера Матвеевна. – Инспектор все равно придет. Антуана, думаю, поставят на учет в детскую комнату милиции, поскольку родители Винтуева написали заявления о хулиганском нападении на сына и его избиении. А вы, бойцы 7-го «А» класса, подумайте хорошенько, стоят ли того ваши «стрелки»? Попасть на учет в милиции легко, а потом это клеймо, как судимость, останется на долгий срок. Ни в одно училище, ни в один лицей или колледж не возьмут, пока не снимут с этого самого учета. – Она строго посмотрела на Антуана и отчеканила: – Зайдешь ко мне в кабинет после шестого урока.

Вера Матвеевна вышла из класса, а Венька с уважением смотрел на Антуана, идущего к своей парте. Он бы так не смог. Если бы он, Венька, не был виноват, то так бы и сказал директрисе, открыл бы ей глаза на этого мерзкого Винта. Выходит, он трус? Антуан не трус, а он, Венька Козлов, трус? Наверно, в том-то все и дело!

Одну из последних истерик он закатил именно от страха. Все баловались на перемене, наскакивали друг на друга. Все, даже сам Венька. И как-то так получилось, что в образовавшейся «куче-мале» он оказался в самом низу, под горой тел семиклассников. Ему стало душно и страшно. Он тогда еще не знал, что кости могут легко ломаться, но, видимо, предчувствовал. Венька сначала просто пихался, чтобы выбраться из-под мальчишеских тел, но ничего не получалось. Тогда он стал кусаться, царапаться и ругаться. Когда куча-мала сама собой распалась, Венька уже вошел в раж: кричал, брызгал слюной и никак не мог успокоиться, потому что сильно испугался.

Но своих одноклассников, несмотря на все обидные и даже грязные слова, которые он им в такие моменты бросал, Венька, в общем-то, любил. Он совсем не хотел идти в другой класс или в другую школу, как иногда, после очередной истерики, советовала ему сделать мама. Он просто был не таким, как все... Почему-то... И от школы это никак не зависело.

А на перемене произошло следующее. Расталкивая школьников, в класс ворвалась мать Винта. Она подскочила к Антуану, схватила его за ворот толстовки, прижала к стене и стала кричать:

– Зачем ты это сделал? Бандит! Пашке уже вторую операцию делают!

– Он не бандит! – закричал вдруг Венька и наскочил сзади на женщину. – Это ваш Пашка – бандит! Он все время ко всем лезет! Вчера ко мне лез!

Мать Винта отпихнула Веньку так, что он, отлетев от нее, проехал щекой по острому краю желоба для мела на доске. Щеку прочертила глубокая царапина, из которой на пол закапала кровь. Мать Винта не видела этого, потому что по-прежнему трясла Антуана за толстовку так, что его голова периодически стучалась о стену. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы девчонки не сбегали за директором и Кирой Геннадьевной. Вдвоем они оторвали женщину от Антуана. Она закрыла лицо руками и разрыдалась. Учителя под руки вывели ее из класса.

Антуан, поправив сбившуюся одежду, подошел к Веньке и подал ему руку. Венька поднялся с пола, зажимая рукой кровоточащую царапину. Антуан, склонив голову набок, разглядывал его так внимательно, будто видел впервые.

– Чего влез? – спросил он.

Венька пожал плечами.

– Девчонки! Дайте ему платок! – потребовал Клюшев.

Тут же четыре платка были протянуты Веньке. Он выбрал с красной каемкой, Аллочкин. Может быть, он, Венька, не такой уж и трус? А? Как ты думаешь, Аллочка? Такие вот вопросы замелькали в Венькиной голове. Но Аллочка уже отошла к своей парте и оттуда бросала пламенные взгляды на Клюшева.

После ОБЖ ребята побежали в спортзал поиграть в «картошку». Венька не пошел, остался в классе. Он не любил быть «картошкой». Слишком уж сильно лупили мячом. Веньке не нравилось, когда было больно. А ловить мячи он не

успевал, потому что все время прикрывал голову руками.

- Это так оставить нельзя! - услышал он за спиной голос Таньки Осокиной, главной своей врагини.

Танька презирала Веньку, чего не скрывала, а, наоборот, всячески старалась подчеркнуть. Когда Венька горячился, доказывая что-либо, она обязательно ядовито подзуживала:

- А ты заплачь! Заплачь еще! - и всякий раз добавляла: - Баба!

Осокина всегда смеялась, когда Венька своим куриным почерком писал на доске предложения с десятком ошибок. Кира Геннадьевна возмущалась ее поведением, и Танька немедленно замолкала. А потом еще больше потешалась над Венькой на математике или на физкультуре.

- Этому Винту мало было руку с носом переломать, - продолжала между тем Танька. - Смотрите, что из-за него вышло! Его мамаша чуть не растерзала Антуана! Это ему так не пройдет!

- Девочки! А мне Зойка из 7-го «Б» сказала, что Антуан отделал Винта вовсе не из-за «баскета», - вставила Лена Прижняк.

- А из-за чего?

- Говори, Ленка!

- В чем дело? - наперебой стали интересоваться девчонки.

Венька на своей первой парте весь превратился в слух. Девчонки его никогда не стеснялись, так как за человека не считали, и Венька рассчитывал услышать разговор до конца.

- Это все из-за одной девочки! - торжественно произнесла Лена.

- Из-за какой? - первой не вытерпела Аллочка, и Венька понял, что она мечтает быть этой девочкой.

- Тайна, как говорится, покрытая мраком, - пожала плечами Прижняк. - Зойка видела, как наши дрались на футбольном поле, и слышала, как, уходя, Антуан крикнул Винту, чтобы тот больше не пялил на нее глаза. А вот на кого это «на нее», Зойка не знает.
- А я знаю, - сказала Осокина, - вернее, догадываюсь. Ему Наташка Шиндяева из 7-го «Б» нравится.
- С чего ты взяла? - опять не вытерпела Аллочка.
- С того! На прошлой дискотеке он только и делал, что крутился около нее.
- Но ведь танцевать не приглашал! - не унималась Аллочка.
- Когда пригласит - поздно будет! - заключила Танька. - И вообще! Просто безобразие, что себе эти «бэшницы» позволяют! Отбивают у нас парней, причем самых лучших... Надо немедленно что-то делать!
- А вам Винта не жалко? - сменила тему Оля Авласович. - Превозносите Клюшева до небес, как героя, а он, может быть, человека калекой сделал.
- Это Винтыра-то человек? - возмутилась Танька.
- Но он же пострадал! - не сдавалась Оля.
- Ну и целуйся теперь с этим страдальцем! - отрезала Осокина. - Можешь ему посылочку в больницу собрать!
- Оль! Антуан ведь не специально, - стала убеждать Олю Прижняк. - Просто у Пашки кости слишком слабыми оказались. А какой Винт гад, ты и сама знаешь не хуже нас.
- Все-таки интересно, за кого же Антуан Винту накостыля-я-ял? - протянула Танька.
- Ой, девочки! А мы сейчас Козлика попросим об одолжении.

Венька вздрогнул, услышав одну из своих многочисленных кличек, а перед ним уже возникла Прижняк.

- Ты, Козлов, можешь выполнить одно поручение? - спросила она.

Венька напрягся. От девчонок хорошего ждать не приходилось.

- Ты не мог бы, - продолжила Лена, - узнать у Антуана, какая девочка ему нравится?

- Так он мне и скажет... - буркнул Венька.

- Ну ты же его сегодня почти от смерти спас! - хохотнула Осокина, моментально оказавшись рядом с Прижняк. - Не стесняйся, Козлик! Это твой шанс! И нам польза!

Венька резко встал. Учебники посыпались с парты. Он хотел послать девчонок подальше, даже набрал в грудь воздуха, но раздался звонок на урок. В класс начали вбегать ребята. За ними вошла Кира Геннадьевна. Началась литература.

Конечно, ни о чем таком Венька Антуана спрашивать не станет. Во-первых, потому что Клюшев ему ни за что не скажет. Вернее, это во-вторых, потому что Венька и так знает, кто ему нравится. Вовсе не Наташка Шиндяева из 7-го «Б». А той девочке, которая Антуану нравится, вовсе не обязательно знать об этом.

Таня

Танина анкета из старой тетради по английскому гуляла по классу. На вопросы ответили уже почти все девчонки и даже многие ребята, но ни одна страница не была исписана характерным острым почерком Антуана. На листе, где Таня ожидала получить романтическое послание, красовался глупейший стишок, написанный Генкой Рябой:

Любовь - страна,

Любовь – земля,

Ты все одна,

Один и я.

После того как Ряба отдал тетрадь хозяйке, он самым отвратительным образом принялся ей подмигивать при каждом удобном случае. Таня терпела, терпела, потом подошла к Рябе и, покрутив пальцем у виска, строго сказала ему:

- Еще раз подмигнешь, больше никогда не дам списать алгебру, понял?

- Не дурак, - отозвался Ряба и подмигивать перестал.

На том листе, где Осокина просила желающих с ней дружить поставить свои росписи, этих самых росписей появилось штук десять. И все они были как раз такие, что ни за что не разберешь, кому принадлежат. Каждый старался сделать свою роспись как можно сложнее, непонятнее и наворотить побольше росчерков и завитушек. Таня порадовалась, что предусмотрела это, и с замиранием сердца взглянула на внутреннюю сторону обложки. На том месте, где должна была стоять вождеденная буква, красовалось непонятное сине-фиолетовое месиво. Видимо, несколько человек пытались написать свою букву на одном и том же месте. Сверху все это было перечеркнуто крест-накрест жирными линиями, а рядом корявым почерком написано: «Рябков». Таня презрительно хмыкнула, покачала головой и на всякий случай еще раз просмотрела анкету с начала до конца. Ожидаемого она там так и не увидела и отдала тетрадь Аллочке Любимовой.

После уроков Тане надо было идти в музыкалку. Мама мечтала, что младшая дочь станет пианисткой, и мучила ее этой музыкалкой с первого класса.

Еще в прошлом году Таня воспринимала занятия музыкой как должное, хотя уже тогда, садясь за пианино, ставила перед носом будильник и в мучениях лупила по клавишам ровно один час. Если час истекал, когда этюд или сонатина были сыграны только до половины, ничто и никто не мог заставить ее доиграть произведение до конца. В этом году отвращение к инструменту стало до того непереносимым, что Таня уже пять раз пропустила занятия в музыкальной школе, отсиживаясь у Лены Прижняк, своей самой близкой подружки. В школе, наверное, подумали, что она заболела, и домой пока не звонили. Сегодня надо

было идти еще и на самый ненавистный предмет под названием сольфеджио.

Таня решила, что дольше прогуливать музыкалку опасно, собрала нотные тетради и пособия в специальную стильную папочку, которую родители подарили ей в этом году на первое сентября, и вышла на улицу. Она завернула за угол своего дома и остолбенела. Посреди тротуара стояли и мирно беседовали Антуан Ключев и Алина Тихомирова из 7го «Б». Вот оно что! Алина! Вот почему она так и не дождалась его ответов в своей анкете, а Катька Дронова совершенно напрасно чирикала с ним на последней парте...

Пока Антуан с Алиной не успели ее заметить, Таня нырнула обратно за угол и привалилась спиной к стене дома. Та-а-ак! Какое уж теперь сольфеджио... И ей абсолютно безразличен этюд Майкапара, который сегодня нужно будет разбирать с учительницей музыки Евгенией Васильевной. Таня отлепилась от стены и быстро пошла в направлении, противоположном музыкальной школе, прямо к дому Лены Прижняк.

- Может быть, они случайно встретились и... разговорились, - предположила Лена, когда Таня рассказала подружке об увиденном.

- Если ты случайно встретишься, к примеру, с Максимом Петренко из 7-го «Б», неужели станешь с ним разговаривать? - спросила ее Таня.

- Да-а-а... - протянула Лена. - Пожалуй, не стану...

- То-то и оно!

- Но ты же сама говорила, что ему Шиндяева нравится, - вспомнила Лена.

- Может, Шиндяева, а может, и Тихомирова... Главное, что это все не наши девчонки!

- Тань, ну и наплевать на этого Ключева! Подумаешь, какая важная персона! По мне, так Комиссаров даже симпатичнее. Знаешь, давай лучше фильм посмотрим. Мне Катька кассету дала. Называется «Я за тебя умру». Говорят, клевый фильм.

Фильм оказался не клевым, а невероятно глупым. Главный герой по имени Чарльз так и не умер за Маргарет, хотя надоедливо твердил об этом целых три часа. Расстроенная Антуаном и окончательно рассерженная Чарльзом Таня вынуждена была ни с чем вернуться домой.

Дома ее встретила мама с каким-то странным выражением лица и спросила:

– Почему так задержалась?

– Да понимаешь, пришлось остаться, потому что я не поняла, как интервалы расставлять... – мгновенно сочинила Таня.

– Ясно, – тоже весьма странным голосом отреагировала мама. – Ну и как? Поняла, в конце концов?

– Да, мне Евгения Васильевна все еще раз объяснила, и я поняла, – довольно бодро ответила Таня, хотя мамин интерес к ее занятиям в музыкалке ей не понравился.

– Знаешь, Таня. – Мама развернула дочь лицом к себе. – Тебя пригласили на день рождения к Тамаре Ивановой. Звонила ее мама. Я сказала, что ты обязательно придешь. Я правильно сделала?

Танины руки сделались влажными от страха. Тамара вместе с ней занималась в музыкальной школе в классе у Евгении Васильевны. Наверняка Тамарина мама спрашивала, почему Таня не ходит на музыку. Какой ужас! Таня вместо кивка жалко дернула головой.

– Вот и хорошо, – преувеличенно радостно сказала мама. – Там и Евгения Васильевна будет! Ты рада?

Танино лицо сделалось серым. Она поняла, что мама уже все знает и специально разыгрывает перед ней спектакль. Обида придала Тане сил. Она вывернулась из маминых рук и чуть не плача спросила:

– Зачем ты так? Могла бы просто спросить, почему я не хожу на музыку!

– Отлично! Призналась! Теперь можно и спросить! Так почему же ты не ходишь на музыку?

– Потому что я ее ненавижу! – крикнула Таня.

– Это что-то новенькое!

– Ничего не новенькое, а вовсе даже старенькое! Ты прекрасно знаешь, что мне не нравится заниматься музыкой! Вы меня не спрашивали, когда купили пианино. Купили и силой заставили заниматься!

– Таня! Почему ты так кричишь? Что плохого в том, что ты будешь уметь играть на инструменте? Это тебе всегда может пригодиться в компании.

– Мама! – взвыла Таня. – В какой компании! Думаешь, я стану с собой таскать пианино? Это же не гитара!

– Все равно! – не сдавалась мама. – Для женщины это может стать хорошей профессией.

– Какой например?

– Ну... можно, как Евгения Васильевна, преподавать музыку детям.

Таня представила, как обучает игре на фортепиано таких же бестолковых, как она, Татьян Осокиных, и это стало последней каплей, которая переполнила ее уже совершенно изнемогшую от переживаний душу. Она бросилась в свою комнату и от души заплакала там, уткнувшись в мягкий бок своей любимой кошки Алисы.

– Я тебе, Танька, верю, как себе, – говорила Лена Прижняк и часто-часто дышала. – И если ты кому-нибудь скажешь, то это с твоей стороны будет так... будет такое... В общем, ты мне будешь больше не подруга, ясно?

- Да не собираюсь я никому ничего говорить, - успокоила ее Таня. - Ты мне лучше скажи, что ты собираешься по этому случаю предпринять?

- Я как раз и хотела кое о чем тебя попросить.

- Ну! - нетерпеливо воскликнула Таня.

- Ты ведь не давала еще свою анкету Комиссарову?

- Не давала.

- Можешь дать?

- Конечно, могу.

- У тебя есть в анкете еще незаполненные листы с вопросами?

- Да сколько угодно!

- Я хочу один листок свернуть конвертиком, а сверху ты своим почерком напишешь: «Секрет. Никому не открывать!»

- Ленка! Ты же знаешь, что если так написать, то обязательно откроют! Первым делом!

- Я знаю. Я и сама открыла бы. Но в данном случае именно это мне и нужно. Я как будто бы напишу там тебе секретное письмо, что мне нравится Комиссаров, а ты дашь ему анкету, как будто бы для заполнения, а он... - Лена запнулась и вопросительно поглядела на Таню. - Как ты на это смотришь?

- Ты думаешь, что о-он... - задумчиво протянула Таня.

- А ты думаешь, что нет? - испуганно посмотрела на подругу Прижняк.

- Не знаю. - Осокина пожала плечами. - Почему-то в анкетах никогда не пишет тот, от кого этого ждешь, а если и пишет, то какие-нибудь глупости, вроде

анекдотов про чукчу или Василия Ивановича.

– Но... может быть, мы все-таки попробуем, а? – Лена с большой надеждой заглянула в глаза подруге.

Таня еще раз пожала плечами, порылась в школьном рюкзаке и вдруг вспомнила, что отдала тетрадь с Ди Каприо на обложке Любимовой.

– Вот так всегда! – огорчилась Лена. – Только придумаешь что-нибудь стоящее, тут же обязательно откуда ни возьмись выползут какие-то препятствия...

– Не переживай! Мы с тобой обойдем любые препятствия! У меня есть еще одна анкета. Из магазина. Фирменная. Мне ее Вера подарила. Вот смотри! – И Таня достала из ящика стола розовую книжечку в цветах и бабочках.

– У-у-ух ты-ы-ы! Какая прелесть! – восхитилась Лена. – Почему же ты ее не используешь?

– Потому что там вопросы идиотские. И вообще все глупое, как будто заполнять ее должны дети ясельного возраста. Но зато тут нет еще ничьих ответов. Ты ее первая заполнишь, и везде, где хочешь, можешь писать про то, как тебе по-сумасшедшему нравится Петька. А потом я ее отдам ему, а он увидит, что никто, кроме меня, твоей подруги, про твою любовь ничего не знает. Я думаю, что это ему понравится, потому что никто в классе обсуждать это не станет.

– Отлично – улыбнулась довольная Лена. – Ты очень хорошо придумала!

Прижнюк открыла книжечку на странице с вопросами и, высунув язык, начала заполнять ее ответами.

Очень скоро язык убрался на положенное ему природой место, и обескураженная Прижнюк спросила:

– Я совершенно не знаю, какой гриб мне больше всего нравится. Я вообще терпеть не могу собирать грибы.

– Я же тебе говорила, что вопросы для анкеты придумывал какой-то ненормальный. Но в нашем деле и этот вопрос не так уж плох.

– Что ты имеешь в виду?

– А то! Ты можешь написать чистую правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lubenec_svetlana/lyubi-menya-kak-ya-tebya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)